

Ирина Фургал

Деревянная сабля

Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА. Часть I

Ирина Фургал
Деревянная сабля.
Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ
СОЛНЦА. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42596018

ISBN 9785449681195

Аннотация

Как я, Миче Аги, ювелир и волшебник, оказался на пути заговорщиков, готовящих переворот, и морских разбойников, похитивших для них святыню нашего мира? Да ещё поклялся девочке из рода врагов короля не выдавать имена мятежников! И дал надежду заморской принцессе, помогавшей пиратам, сохранить её брак и доброе имя! Теперь приходится самому отправляться на поиски реликвии в пещерный город. Но кто позаботится о моём добром имени? Может быть, друг Петрик Тихо по прозвищу Чудила? Эх, с кем поведёшься...

Содержание

ГЛАВА 1. МАГ С ВЕРХНЕЗАДВИЖЕННОЙ УЛИЦЫ	5
ГЛАВА 2. ДОЧЬ АВАНТЮРИСТОВ	26
ГЛАВА 3. ДРУГ ЧУДИЛА	37
ГЛАВА 4. В ПАРКЕ У МОРЯ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Деревянная сабля
Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ
СОЛНЦА. Часть I

Ирина Фургал

Роман

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА.

ЧАСТЬ I. ДЕРЕВЯННАЯ САБЛЯ

© Ирина Фургал, 2019

ISBN 978-5-4496-8119-5 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-8120-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. МАГ С ВЕРХНЕЗАДВИЖЕНСКОЙ УЛИЦЫ

Всё началось сразу и внезапно в мой первый настоящий рабочий день с визита мелкой и пушистой девчонки, до того пронырливой, что вздумай я встать на пороге, она просочилась бы в мой дом сквозь меня.

Маленькая авантюристка с пшеничными косами, не отвлекаясь от важных детских проказ, умудрилась так или иначе повлиять на все события и даже спасти власть законных правителей, хоть и утверждает до сих пор, что это сделал я, а не она.

Однако, до её визита где-то в районе обеда, мне предстояло ещё суматошное утро, и другие встречи, и всё, что случилось в этот день и в следующие дни начала моей новой жизни, имело в будущем свой отклик.

В ту пору я, молодой волшебник нашей столицы Някки, только-только окончил университет и, прямо как сейчас, был энергичен и полон надежд и планов. Я мог бы жить с родителями, но захотел самостоятельности (немного стеснялся их присутствия в начале своей трудовой деятельности). Дед оставил мне дом – и я переехал туда, на Верхнезадвиженскую улицу в Повыше, районе чуть более, чем средней

престижности.

Первым делом в газетах и на столбах я дал объявление: «Волшебник с высшим образованием (слово „опытный“ из любви к справедливости отринул) даст исчерпывающую консультацию, изготовит амулет, заглянет в ваше будущее, объяснит причины того, что с вами происходит в данный момент. Расценки умеренные».

Я решил начать зарабатывать и этим ремеслом тоже. В моих глазах оно не менее почётно, чем ювелирное дело, а деньги были нужны до зарезу: хватит уже родителям тратиться на меня и моё образование, не дешёвое, между прочим. Тем более, что мой очень младший брат собрался пойти по моим стопам, а отец той весной неудачно упал, и ему требовалось длительное и дорогое лечение. Дорогое даже несмотря на то, что у нас полно знакомых в Лечебнице у источников – например, доктор Шу и его сын, приятель детства. Чтобы маме было легче, я собирался всё лето держать у себя это жутко вертлявое существо, Рики Аги, младшего сына моих родителей.

Но лето ещё не началось. Через два дня после выпускного бала я, выпроводив, наконец, рабочих и женщин, нанятых для уборки, остался один в отремонтированном здании поджидать клиентов. В моём собственном доме!

Желающие погадать не обязаны были явиться сегодня. Я мог бы ждать первого неделю, тихо и спокойно выполняя текущие заказы на кольца и ожерелья. Тайком от заказчиков

превращать их в амулеты, настраивая на удачу просто так. Совершенно бесплатно. Чтобы потренироваться. Но я сказал себе: пусть придёт хоть кто-нибудь, кому требуется помощь предсказателя. Если сбудется – моя карьера окажется удачной, а доход – постоянным и высоким. Ну и накликать. Клиенты посыпались, как яйца на головы незадачливых артистов.

Звякнул колокольчик над калиткой, и я уже встречал то-нюсенькую девушку в сером унылом платье не по фигуре, с распущенными волосами, похожими на свалывшийся конский хвост. Хм. Если человек не пользуется средствами для красоты волос, он должен наvertеть пучок и спрятать его под платок или шляпку.

Девушка затравленно оглянулась чуть пройдя вперёд по дорожке. В её руках была торба: я решил, что ей пришлось сделать вид, будто собралась на рынок.

– Дрась, – пискнула она голосом задушенного мышонка. – Я Ня. Ва. Во.

И она протянула мне белый листок, сорванный со столба. Может, трусишка хотела сказать: «Ваше вот объявление»?

– Моё, – сознался я, приглашая её в кабинет. – Простите, не расслышал, как вас зовут.

Не в меру застенчивая клиентка вознамерилась упасть в обморок на дедушкину любимую клумбу. Вот ведь жуть: что-то не так сказала!

Мять красивые цветы я не позволил, подхватил дамочку

под ручку и ввёл в кабинет, как королеву.

– Так как же вас зовут? – продолжал я добиваться. Надо было наладить контакт.

– Ня! – покраснев, сообщила она. Ну нет. Такого имени не бывает.

– Аня? – догадливо переспросил находчивый маг, то есть я. Клиентка радостно закивала, а я сообщил своё имя. Она продолжала кивать в том же темпе.

Некоторое время я бился с чудачкой, пытаюсь выяснить, что привело её ко мне. Потом бросил и взял в руки карты – они скажут, в чём тут проблема. Я был уверен, что в здоровье. Но видя, что волшебник приготовился к гаданию, девушка вдруг заговорила быстро и сбивчиво, глотая окончания слов, зато чётко выговаривая «кажется», «может быть», и «что же делать?» Бывает, что люди во взвинченном состоянии вываливают на предсказателя кучу сведений о своей жизни. С одной стороны, это мне на руку, а с другой – клиент не даёт слова вставить: чтобы убедить его в правдивости гадания, я должен рассказать немного о его прошлом. Аня была трусишкой. Сделав над собой героическое усилие и придя ко мне, она спешила выложить всё, пока не иссякло мужество.

Оказалось, что Ане не перед кем отчитываться, в том, куда она идёт. Девушка жила одна, ей шёл девятнадцатый год (чудеса, право, я думал, что ей шестнадцать). Её вечно обсчитывали и всучивали дурной товар за непомерную цену,

однако она ни разу не теряла кошелёк, и её никогда не обворовывали, не совсем уж Аня растяпа. Я был изумлён, когда узнал, что она дочь известной нашей певицы. Мать была своеобразной, колоритной, яркой. Настолько яркой, что к ней лучше бы не подходить совсем, как к пожару. Дочка, явившаяся ко мне, казалась соринкой, попавшей в огонь. Аню плющили, как серебряную пластинку на наковальне: оба родителя желали видеть в ней копию взбалмошной матери.

Девчонке влетало за то, что она предпочитала, сидя на чердаке, читать и тихо мастерить куклам платья, а не устраивать концерты перед соседями, как, говорят, в детстве устраивала их наша звезда. Аню презирали и за то, что она не желала скакать на самодельной сцене, и за то, что она слишком весело болтала с соседкиной дочкой. Не так болтала! Не то говорила! С чего бы так весела? Не так оделась. Не такой нос и размер ушей. Слишком высокий голос. Чересчур длинные ноги. Прочие части тела отличаются от материнских. Страшилище и тощий урод – таков был приговор любящих родителей. В результате Аня предпочла вообще ни с кем не болтать, никогда не петь и носить только то, что скинула ей матушка с царственных плечищ. За эти свои усилия безмолвная дочь получила ещё большее презрение и подозрение в умственной отсталости.

– Что ты всё молчишь? – налетали на неё. Когда приходили гости, а это были всё больше интересные и знамени-

тые люди, Ане запрещалось выходить в комнаты, где шло веселье. Она подслушивала незаметно разговоры, истории, песни. Некоторые друзья семьи даже не помнили, а может, и не знали, что у звезды Някки есть ребёнок. Порой Аню вытаскивали на улицу с приказом играть. И ей самой очень этого хотелось. Хотелось весело хохотать, носиться с девочками, задирать мальчиков, громко выкрикивать слова считалки... Но, по большей части, Аня сидела одна, прижав к себе куклу и просто наблюдая за сверстниками. Потому что, если ребята всё-таки вовлекали девочку в забаву, дома ей доставалось за то, что она играла не так, как надо.

– Меня, наверное, стыдились – и правильно делали! – лоямая руки и глотая звуки, сообщила Аня. – Что делать – я могла опозорить семью! Говорили, что меня нельзя показать народу. Что мне в жизни одна дорога: замуж за какого-нибудь дуралея вроде сына Мале. Знаете, тех Мале, которые держат модную лавку и парикмахерскую вместо того... ну, вместо того...

– Вместо того, чтобы служить в наших доблестных войсках, – закончил я, сдерживая смех, потому что эти самые Мале, в роду которых едва ли не все военные – друзья нашей семьи. Я бы сказал, лучшие друзья. Аня, конечно, этого не знала.

– Может быть, это потому, что мне нравится шить, – жалобно предположила девушка. Видимо, ей не хотелось замуж за дуралея. – А учиться на певицу меня не взяли.

Чувствовал я, что, когда это случилось, Аня решила, что её жизнь кончена.

– Папа перестал денежки давать, – всхлипнула она. – Может быть, это правильно, толку-то от меня, кажется, нет. Ни на что не гожусь. Вроде бы я неудачница.

Просто удивительно, до чего можно довести ребёнка нелюбовью! Выросшая Аня могла бы стать конкуренткой Мале и прославить семью не хуже родителей. Но нет! Требовали от неё невозможного – быть другим человеком. Махнули на неё рукой, обрекли на роль домашнего несчастья.

Моему негодованию не было предела. Оно переплелось с жалостью, я рвался немедленно помочь затюканной Ане и еле-еле дождался конца рассказа.

Я знал, конечно, что родители Ани месяцев шесть назад утонули во время морской прогулки. Девушка сперва пребывала в тоске, сидя у окошка и совсем растерявшись. В ужасе вздрагивала, когда ей мерещился стук распахнувшейся двери – мать всегда резко дёргала створку. Продолжала мастерить одежду не себе, а куклам. Единственное, на что хватило у неё смелости – сдавать три комнаты, да и то, по настоянию горничной, которая, собственно, всё и устроила, и сама же всё контролировала. А вот Аню бросало в дрожь при мысли обратиться в контору и поговорить о наследстве. Две комнаты она сдавала студентам, а третью...

– Одному такому человеку... – залившись краской поведала девушка.

Она вдруг влюбилась, пугаясь собственного чувства. Если бы не это, Аня, возможно, со временем осмелела бы и изменилась. Завела бы друзей, продолжила образование. Если бы любовь была настоящей и взаимной, она преобразила бы Аню. Но девушкам, не знающим себе цену, редко везёт. Парень, казалось, отвечал взаимностью, хоть Ане не верилось, что такое может быть. Правда, он был грубоват, холодноват и заглядывался на других, но это, право, такие мелочи! Потом он уехал в родной город, и от него ни слуху, ни духу. Может, она что-то не так сделала? Не погадаю ли я за умеренную цену? Ей очень хотелось продолжения сказки и возвращения оборота.

Карты (и здравый смысл) абсолютно точно говорили, что у девушки всё печально. Парень изображал чувство, чтобы не платить за постой, а уехал – и выкинул дурочку из головы, и собрался жениться на другой. Это обычная судьба подобных девиц. Если они не меняются, хорошая любовь не приходит.

И как сказать такое прямо в широко распахнутые серые глаза? Я тяжело вздохнул. Придётся врать. Мы, предсказатели, имеем право соврать или что-нибудь утаить, когда надо. Нацелю-ка бедняжку на новую жизнь, покажу, куда надо идти: туда, где интересно, много веселья и её будущих друзей, а, значит, и мужчин. Взгляды изменятся сами, лишь только раздвинутся горизонты. Жизнь заиграет новыми красками, принесёт Ане радость, новые возможности, новую любовь,

уверенность в себе. Аня привыкла подчиняться – сейчас это мне поможет. Я очень умный, а главное, хитрый волшебник с высшим образованием. Я сказал:

– Так, Аня. Для того, чтобы узнать будущее, не хватает участия с вашей стороны.

– Ова? – прошелестела клиентка. Я перевёл это как «какого?»

– Не хватает ярких цветов. Почти лето на дворе, и в сером не гадают. Честно! Зачем вы надели это платье? Надо соблюдать условия. Условия, необходимые для работы с предметами гадания. Иначе контакта нет. Без контакта нельзя.

И тут – ох, надо же, какая идея! – мне показалось забавным сыграть с Аней шутку. Созорничать по-мальчишески. Мне только на днях исполнилось двадцать лет, и я никак, ну никак не мог удержаться. Мне кажется, на моём месте вы бы тоже не смогли.

– Аня, – наклонившись к ней, я расширил глаза и заговорил потусторонним голосом, – прямо сейчас ступайте по этой улице вниз, в магазин. Вам совершенно необходимо купить ту вещь, которую я назову. Ту вещь, на которую с моей помощью укажет сам Радо, хранитель солнца и покровитель влюблённых. Через меня он передаст свою волю! Только эта вещь придаст вам сил, чтобы пройти страшные испытания, которые предстоят. Испытания ради любви! Мужайтесь, Аня. Купить эту вещь вам придётся в модной лавке Мале. Да-да. Именно, в лавке Мале.

Глупышка замотала головой. Видимо, маме-певице нравились люди в форме, а тех, кто пренебрёг военной службой, она сильно не одобряла. Но вредный предсказатель Миче был неумолим. И даже не опасался гнева светлого Радо, который только приветствует безобидные шутки. А уж если ради любви...

А ещё мне захотелось вдохновить Аню на дальнейшие подвиги эффектным зрелищем.

Я раскрыл сжатые в кулаки ладони – и все свечи, сколько их ни было в моём кабинете, разом вспыхнули, а шторы на окнах резко сдвинулись, создав полумрак. Аня не заметила движения пальцами, от которого розовато-золотистые прозрачные всполохи, поднимаясь от огненных язычков, пошли плясать под потолком, образуя кольца, спирали и сердечки – такие рисуют девочки в тетрадах. Вниз осыпалась мерцающая, словно крохотные алмазики, пыльца – мои одноклассницы всегда приходили в восторг, когда я устраивал такое на танцах. Визжали и прыгали, пытаясь схватить блестящие пылинки – уж очень они завлекательны. Аня же сгорбилась, сжалась и молчала. Только глаза горели любопытством и пальцы вздрагивали.

– Вот она, эта вещь! – самым, что ни на есть колдовским тоном объявил я и указал на штору. Розовые сердечки стали алыми, стеклись к центру тёмной портьеры, пошевелились, принимая задуманную мной форму – и вот уже клиентка, раскрыв от удивления рот, смотрит на платье, такое, что да-

же меня оно потрясло, когда я увидел его впервые в витрине лавки Мале. Что-то забыл. Ах да! Кружева.

– Это платье, – завывал я, – есть только там...

– Я зна... – неожиданно выдохнула Аня. Ну и ну! Она знает! Приглядывалась, наверное, и облизывалась, да боялась на себя примерить. Ничего, я ей разрешу.

– Купите платье, купите шляпку и туфли, попросите сделать себе самую красивую причёску, – настаивал я, – и помните: вам непременно помогут!

– Яркое! Очень яркое! – запищала испуганная Аня, отгораживаясь ладонями от блестящих пылинок. – Никогда, кажется, такого не... Это не моё!

– Будет ваше! От судьбы увилить бесполезно! – увеличил я силу голоса и сияние вокруг алого платья. – Хотите вернуть любовь – слушайте меня! Карты говорят, любовь даётся тем, кто одевается весело. – (Ничего подобного они не говорили, это я нёс отсебятину). – Придёте ко мне через неделю в этом наряде, Аня, и я скажу вам что-то хорошее. И, кстати, пылинки можно ловить.

Ошеломлённая Аня моргнула, кивнула и судорожно сжала кулак, не рискуя посмотреть, что за вещицу поймала вместо пылинок. В детстве мне не хватало умения проделывать одну штуку. Очень хотелось, чтобы гости у меня на дне рождения таким образом получали маленькие приятные штучки: конфетки, изюминки. Я всё работал и работал над сложным фокусом. Сейчас получилось всего лишь в четвёртый

раз. Это магия Радо, магия огня, света и световых безобидных эффектов. Ох, как впечатлило Аню волшебство!

Я заставил её поклясться, что в течение недели она дважды посетит вечером парк и прокатится на каруселях, дважды прогуляется по набережной из конца в конец, сходит на выставку древностей, поднимется на вершину горы Иканки, побывает в театре на комедии и проведёт день с друзьями.

Это будет тяжело, очень тяжело, говорил я, но нужно выдержать испытания.

– У меня не др, – выдохнул этот ужас. На самом деле, я уже понял, что ей до слёз хочется иметь подруг, хотя бы одну или двух.

– Завести! – рявкнул я, но опомнился и сбавил тон, и снова придал ему потусторонность. – Если будете вступать с людьми в разговоры – хотя бы просто спрашивать дорогу, рано или поздно завяжется беседа. Родственные души потянутся друг к другу! Сегодня вам предстоит самое страшное – разговор с госпожой Мале по поводу обновок и выбор причёски. Только точное соблюдение инструкций даст нам ожидаемый результат: контакт с гадательными принадлежностями и возвращение любимого.

И ещё я по ходу дела наговорил Ане кучу хороших слов. Да-да, про серые глаза, про цвет волос, про красивый голос и смех, которого не слышал, и про фигуру, которую было не разглядеть из-за бесформенной одежды. Про то, что она

внимательная, раз у неё не крали кошелёк, и оборотистая, раз сдаёт комнаты, что она непременно озаботится наследством и откажется от услуг молочницы, что нагло сбывает ей подпорченный творог. Что её визит ко мне – показатель ума и большого потенциала. Даже не знаю какого. Творческого, ляпнул я, заговорившись вконец. Кажется, она в жизни не слышала в свой адрес ничего подобного, поэтому совсем оцепенела на стуле. Только щёки покраснелись и глаза горели ярко-ярко. В конце моей хвалебной речи девушка даже кокетливо поправила лохматую прядку на лбу. И выговорила чётко и радостно, как нормальный человек:

– Спасибо.

– То-то же.

– А любовь? – Аня тревожно и с надеждой глянула на карты, которые я уже начал собирать. Это был такой взгляд! Но ведь я ей уже всё сказал...

Рука дрогнула, часть карт упала на стол и сложилась в изумительную композицию, говорившую о будущем Ани. О будущем, свободном от прошлого, от страха, неуверенности и тяжёлых воспоминаний. О будущем, не связанном с ушедшей любовью, на которую девушка пришла погадать. Потому что визит ко мне – начало её новой жизни. Обстоятельства изменились. Сейчас. Их изменил я.

Я даже растерялся. Покашлял, чтобы скрыть смущение и ликование.

– Вы стоите на пороге любви, – объявил я. – На пороге хо-

рошей любви и больших перемен. Никаких сомнений. Главное, слушайте меня.

Ну и что вы думаете? Окрылённая Аня залопотала что-то о том, что её неверный возлюбленный вернётся к ней непременно, ведь она будет послушна и немедленно отправится в лавку Мале.

Девушка слышать не желала о том, что любовь будет новой, и упрямо цеплялась за веру в возвращение своего негодяя.

Я рассердился на такое непонимание, но не сильно. Что с неё взять – влюблённая девчонка! Видел я таких! Никто не обязан верить мне сразу, но в моём голосе звучала обида, не замеченная повеселевшей и похорошевшей от радости Аней:

– Следующий визит через неделю. С отчётом и в красном платье.

Девушка расплатилась, покочевряжилась немного, утверждая, что лучше купить ярко-серый наряд, но сопротивление было легко сломлено. Я запугал Аню, сказал, что путём гадания узнаю, соблюдаются ли инструкции. Чуть что – откажусь иметь с ней дело. Привыкшая подчиняться девчонка зашуршала серым подолом вниз по улице, а я смотрел, стоя перед калиткой. Едва скрывшись с моих глаз, Аня, конечно, разжала кулак, чтобы взглянуть, что за чудо выловила она из мерцающей пыли. Я слышал, как девушка по-детски счастливо взвизгнула. А ещё у неё в авоське лежала коробоч-

ка. Я просил передать её госпоже Мале. В коробочку незаметно положил Анин аванс и записку с просьбой учесть эти деньги и, если надо, поверить в долг, когда Аня, не вступившая ещё в права наследства, станет расплачиваться. В конце концов, это теперь мои деньги, имею право поступать с ними, как хочу. Тётя Марина Мале, привыкшая к моим чудачествам, не станет спрашивать Аню ни о чём. Если же девица сейчас не пойдёт за красным платьем, то мне не нужен её аванс, пусть считает, что она вообще не была у предсказателя Миче.

Я вернулся в кабинет, потушил свечи, развеял сердечки и блестяшки, раздвинул шторы. И дал себе слово, что моя дочка никогда не услышит, что она неудачница и страшилище. Представил я комнату, залитую утренним светом, похожую и не похожую на одну из тех, что наверху. Комнату маленькой девочки, такой весёлой, такой тёплой спросонья. Она прыгает прямо ко мне в руки и говорит, что любит. А я ей в ответ: «Голос у тебя какой-то не такой. Щёки толстые. Думаешь, тебя кто-то будет за это любить? И что это за сюси-пуси? А ну замолчи, раз не умеешь нормально разговаривать!»

Чтобы я вот так? Своей девочке? Я представил укоризненный взгляд её мамы...

Свою дочку я очень любил бы, я бы и её маму...

И тут опомнился и замотал головой, чтобы избавиться от наваждения.

Зачем я опять так размечтался о невозможном для меня?

*

Ну, а затем, прямо сразу, явился пьянчужка. Такой, что ого-го. Я даже не успел перекусить, потратив весь короткий перерыв на переживания по поводу Аниной судьбы. Решив развеяться, налил в чайник воду, но тут колокольчик позвал меня к калитке.

– Тёш-шу того... – забормотал пришедший типус пьяным басом.

– Чего? – не понял я.

– Кх-х-х! – пояснил он, вытаращив глаза. Я испугался:

– Убить? Нет, уважаемый, я никого не...

– Чем? – спросил пьяница и качнулся вперёд, обдав меня жуткой вонищей.

– Ничем, – отказался я от убийства.

– Нечем удобрить? – огорчился клиент.

– Удобрить что?

– Удобрить тёш-шу.

– Тёшша – это что? – глупо спрашивал я. Отвращение к пьянице мешало нормально соображать. Может, меня перепутали с садоводом?

– Тёш-ша – это мать, – откачнулся назад «уважаемый». – Мать как бишь её? Да. Её мать. Жены значит.

– Тёща, что ли? – додумался я.

– Тёш-ша, – кивнул гость и чуть не клюнул при этом садо-

вую дорожку, потому что в отремонтированный дом пустить такого пришельца я не решился. – Тёш-шу удобрить хочу.

Я утомился. Мне ещё больше захотелось чаю, а этого изверга вытолкать прочь. А дядька вещал:

– Тёш-ша зла. Забрала от меня дочь свою. Нечего с таким жить, сказала. А я чё? Я ничё. Я с горя пью. Тёш-ша зла. Удобрять надо.

Дошло!!!

– Что ли, делать добрее?

– Ну да, – обрадовался клиент. – Мулент хочу. Деньги есть. Во, глянь. – На его ладони возникла достаточная сумма. – Я зарабатываю, слышь. Жена, слышь, как в масле каталась. А я чё? Я пью, да. Но ведь и расслабиться надо. А? – с некоторым сомнением пьяный зять глянул на меня.

Вид денег в руке покинутого мужа обрадовал меня чрезвычайно.

– Эй, – воскликнул я. – Хочешь бросить пить?

– Я? Нет. Почто? А тёш-шу бы удобрил.

– Жди тут.

А я, знаете ли, пьяниц не терплю. Эти посиневшие, опухшие типы, что толпятся на рынках, омерзительны. Не лучше и важные господа в белых богатых дворцах, которые спяну гоняют жен, детей и слуг. Недавно я сильно поругался с доктором Шу в компании его коллег. Они, видите ли, утверждают, что привычка с утра до ночи хлебать крепкие напитки, это болезнь. С чего взяли? Скорее, больны женщины, что

терпят вонючку и мерзость у себя дома. Проливают слёзы над несчастной своей судьбинушкой, и всё нянькаются с потерявшим человеческий облик хамом, вместо того, чтобы бросить его к чёртовой бабушке. Скажите мне, это нормально?

– Миче бывает агрессивен, вы же понимаете, – сокрушённо покачав головой, сообщил дядя Шу коллегам. Тут я заткнулся, поскольку друзья давно объяснили мне, каких обвинений и подозрений следует опасаться его пациентам.

И очень хорошо, что жена ушла от пьяного типа, но я не собирался сейчас его воспитывать. Моя задача – получить плату за амулет.

Я побежал в дом и вскоре вернулся со снадобьем, сделанным в конце осени. Зелье отбивает охоту к спиртному. Лучше всего у тех, кто сам хочет бросить пить. Да, лучше всего у них, а изначально – только у них. Но, раздобыв рецепт и приступив к изготовлению, я подумал, что неплохо бы наделить зелье новыми свойствами. Требуются ещё испытания, но уже ясно, что, будучи незаметно или обманным способом подливаемо в пищу пьянице, оно может избавить от пристрастия к горячительным напиткам. Не у каждого, но может. Ещё предстояло выяснить, почему не у каждого, и кому конкретно помогает. Так отчего не всучить его пришельцу? Же не от этого вреда не будет, а тёщин зять пускай сам как хочет. Придёт с претензией – я выкручусь как-нибудь.

Приготовление этого снадобья было моей дипломной ра-

ботой. Профессора качали головами и очень меня одобряли. Я заслужил высший балл, потому что, испробовав вариво на преподавателе бытовой магии, совершенно излечил его от пьянства. До этого никому не удавалось.

– Что значит кровь анчу! На твоём изобретении можно разбогатеть, Миче, – говорили мне.

На самом деле, не разбогатеешь. Отец убедил меня воздержаться от рекламы зелья, от всяких лишних о нём разговоров: можно восстановить против себя тех, кто занят производством и продажей вина. Придут с ружьями и факелами поджигать мой дом.

Я сказал клиенту, вернувшись к калитке из кабинета:

– Будем тещу удобрять. Станешь пить по ложке утром и вечером – и теща тебя полюбит.

– А мулент? – ну хочется человеку.

Я протянул зятю серебряный треугольник на шнурке. Символ перевёрнутого бокала.

– Носи, чтобы теща к тебе добрей стала.

Расплатившись честь по чести, гражданин выкачнулся за калитку.

– Уф-ф! – выдохнул я и, взяв на заметку, что надо сделать ещё такого снадобья, отправился на кухню. Заморенный тещиным зятем, я жаждал чаю. Я был уверен, что следующего клиента дождусь лишь в конце недели, и поэтому, улыбаясь, сжимал в кулаке пусть не первую плату за мои волшебные дела, но первую в самостоятельной жизни, и был счастлив.

*

На плите тосковал совершенно холодный чайник. Надо же – я не зажёл под ним огонь. Облизнувшись, схватился за спички – и тут снова звякнул колокольчик.

Это пришёл почтальон Филька, я давно с ним знаком. Почтальоном он был, пока учился в школе, а теперь желал учиться на архитектора, а заодно собирался помогать родителям в лавке строительных материалов. Филька, как и я, вступал в новую жизнь, и хотел соответствующий амулет. Ну и получил его. Тем более, что мои предыдущие амулеты: на успешную учёбу и постоянный заработок ему понравились. А новый понравился его рыжему псу: тот скакал, гавкал и лизал серебряную подвеску, всё то время, пока Филька крутил её в пальцах. Филькин любимец решил, что это игрушка для него и приглашал нас порезвиться.

Я потирал руки, глядя на закипающий чайник, когда явилась соседка, подруга мамы.

– А, Миче, вот ты и начал свою карьеру! – закричала она от калитки. – А дай-ка ты моему оболтусу что-нибудь для дальней дороги. Он опять собирается за товаром. Я тебе капинку принесла, небось знаю порядок.

Я не стал бы брать с маминой подруги платы за амулет, но положено дать волшебнику хотя бы капинку, а то талисман потеряет силу.

На самом деле соседка принесла ещё пирожков, печь ко-

торые мастерица. Я предвкушал чаепитие с болтовнёй о том, о сём, но тренькнул колокольчик, и женщина, проявив деликатность, убежала через калитку, ведущую из сада в переулок.

Пришла семейная пара, давно желающая завести ребёнка. Я был третьим магом, к которому они обратились. Они даже ездили в Джату! Я не сдержался и воскликнул с возмущением:

– Послушайте! Вы пришли не к тому!

Странные люди, ждущие чуда! Два моих предшественника не устояли перед искушением запудрить им мозги, и по несколько недель вытягивали деньги. А я обозлился и потратил меньше часа на лекцию о шарлатанах, объяснил, что чуда не будет, и порекомендовал паре Лечебницу и хорошего доктора. Денег с них, конечно, не взял, не за что. Но муж купил у меня золотое кольцо для жены, и это хорошо: я уже говорил, что выходящие из моих рук украшения настроены на удачу и благополучие.

Только проводив супругов, я вспомнил, что на огне стоит чайник. То-то меня давно беспокоил противный запах! Так и есть. Чайник сгорел, пришлось проветривать кухню и ставить воду в кастрюльке. Фу! Я совсем задохнулся от дыма.

И тут-то на мою голову свалилась эта девчонка!

Дзинь-дзинь.

Я пошёл навстречу.

ГЛАВА 2. ДОЧЬ АВАНТЮРИСТОВ

Девочка выглядела как обычная девочка лет десяти – одиннадцати. Ровесница моего очень младшего брата. На ней было точь-в-точь такое платье, какое мама хранила на память о своих детских годах. Оно было коротко и мало, и по этой причине натянуто на груди, как на барабане, а пояс отрезали, потому что на талии он не сходил. Глаза у девчонки были заплаканными, выражение мордочки – сердитым, а руки и коленки – в земле.

– Вот, – сообщила она и шмыгнула носом. – Пришла.

Можно подумать, я не заметил.

– Так давай письмо, – улыбнулся я, наивно принявший девочку за дитя улицы, которому кто-то из моих друзей поручил отнести мне записку. – Давай письмо, я заплачу тебе цагрик, я сегодня богатый.

Она сверкнула глазами:

– Это я вам заплачу. У меня у самой есть цагрик, даже шесть. Этого хватит?

– На что? – сдерживая смех, спросил я. Девчонка, как все девчонки, влюбилась, наверное, и хочет амулетик в форме сердца. Таких у меня целые связки.

Наверное, ей было страшно, потому что, судорожно вздохнув и выпучив глаза, она шепнула:

– Чтобы погадать.

– Но милая, на детей не гадают, нельзя. И ведь твой, хм... избранник, он тоже ребёнок. Карты и прочее – всё будет врать.

– Какой избранник? При чём тут дети? Мне надо узнать, живы ли мои родители. Мама и папа.

А вот это уже серьёзно.

– Проходи, – пригласил я девчонку.

– Сначала скажите, хватит ли шести цагриков, – пожелала она знать.

– Хватит двух, – соврал я, хотя это ведь просто смешно.

В кабинете сердитая и запачканная клиентка мигом перестала хлюпать носом и двумя руками схватила статуэтку кошки с колокольчиком на шее. А надо сказать, что дед привёз её аж с Дрианских островов.

– Тебе кто разрешил? – спросил я.

Вот лично я, например, в одиннадцать лет сказал бы: «Извините», – и поставил на место. Девочка же вздрогнула, статуэтка взлетела, кувыркнулась и брякнулась ей на макушку, где я поймал её и водрузил обратно на подставку.

– Уй-я! – простонала девчонка.

– Больно? – испугался я: однозначно будет шишка. – Ну-ка, дай посмотрю. Ещё и царапина!

Ранку я обработал пошептал над нею, чтобы скорее затянулась, и спросил у клиентки:

– Ты откуда такая дёрганная?

– Вы бы тоже задёргались, если бы по мокрому тоннелю

прямо из моря поднялись в пещеру, а потом – в другую, а там всякие кости, и летучие мыши, и рисунки такие страшные, с глазами. Там всё что-то шуршало и пищало – ужас! Надо было больше еды с собой брать. И холодно очень. Пришлось всё время ходить в одеяле.

Я рассмеялся. Что за ерунда!

– Ты рассказываешь мне сказку, да? С чего бы это тебя понесло в жилища моих древних и жутко диких предков? Туда взрослые-то не ходят – боятся.

– Мне надо было, – вздохнула обладательница шести цагриков. – Мы на экскурсию поехали, все наши дети. Туда, в долину. А я заранее всем запаслась, ну и улизнула по пути, на привале. Знаю, где вход. Там, по обе стороны, такие же кошки сидят.

– Да, только высеченные в скале, здоровенные такие, – подхватил я. – Зачем ты туда пошла? Говорят, в пещерных городах водятся привидения. Тебя нашли? – Я сам поразился глупости вопроса.

Девочка пожала плечами.

– Нет там привидений. Летучие мыши есть. Зверьки какие-то есть. А привидений не видела.

Она подошла к зеркалу и задумчиво уставилась на свою, взлохмаченную мною, причёску.

– Нашли, – горько сказала дурочка. – Только я на след напала, как все налетели, как завопили: «Ай-ай, как можно, да мы тебя три дня уже ищем!». Ну и наказали.

Одной рукой девочка попыталась поправить пшеничные волосы, другой – машинально погладила то место, к которому применяются средства убеждения и воспитания.

– Думаете, почему я в таком платье? До сих пор в саду работаю по часу в сутки, а за ворота гулять не пускают, – трагически поведала она. – Вот, сделала подкоп и выползла.

– Зачем?

– Погадать.

– Скажи, ты в какой школе учишься? Где живёшь? – на всякий случай я решил убедиться, что это не заведения для несчастных душевнобольных.

– В школе номер восемь учусь. Живу в приюте. Называется «Прибежище».

– Ясно. Знаю о нём. И сам в той же школе учился.

Я облегчённо вздохнул. Просто девочка. Любительница приключений.

– Зачем ты ходила в жилища анчу? – потребовал я ответа.

– Как зачем? Искала маму и папу. Сначала их туда понесло, а потом уж меня. Их искать.

– Так-так-так, – до меня начало доходить. Только ненормальные способны лазить по этим норам, по этим мрачным дырам. За что некоторые, как говорят, и поплатились. – И кто же у нас мама и папа? Путешественники – авантюристы по фамилии Паг?

– Ну да. Я – Лала Паг. Я что, не сказала?

Вот так случай!

Никогда бы не подумал, что мне выпадет честь гадать на этих странных, и, как говорят, не вполне благонадёжных людей.

– Девочка, – проговорил я, – известно, что в год, когда твои мама и папа пропали, твой дедушка обращался к моему дедушке. А тот был предсказатель поопытнее меня. Пагов разыскивала полиция и две экспедиции. Вторая отважилась сунуться в пещеры и не вернулась. Потом искали эту экспедицию, но не нашли. Я ещё удивляюсь, как отыскивали тебя. Наверное, не далеко от входа ушла.

– Это верно. Гадали и другие люди, не только твой дедушка, – согласилась Лала. – Но не при мне же. Когда родители пропали, я маленькая была.

– Ладно, – сказал я и добавил: – Посмотрим.

И, торопясь завершить это дело, достал гадательные принадлежности, старые и верные, ещё дедовы. Абы кому на них не гадаю.

– Я читала про гадания. Вы меня не проведёте. Всё говорите, как есть, – зачем-то предупредило меня дитя блудных родителей.

– Гадала бы сама, – буркнул я.

– Хочу, чтоб ты, – фамиллярно заявила малявка.

Получилось очень похоже на то гадание, что когда-то совершил мой дед, который меня учил. Я доказал глупышке, что мне незачем её обманывать. Это было легко: девочка немного знала сочетания карт.

– Они живы – уже хорошо, – вздохнула Лала. – Так говорили и раньше. Их нет поблизости от меня, но они есть в недосыгаемом месте. Где? У них где-то бурная жизнь. Любовь друг к другу. Путь к власти в этом недосыгаемом, хитрости, уловки. Как это может быть, ведь они мои мама и папа? Поиск. Чего они ищут? Лучше б меня нашли. Я не сказала? Они меня любили. Мне так кажется... Другие дети. Или ребёнок. Представляешь? Дети! Другие! Не я. Сомнительные дела, нечестные деньги... Миче, это всё не про них. Они ведь мои. Они хорошие, правда. Разоблачение... Разочарование... Я очень разочарована, очень. Что это за карта, а?

Эта карта в таком сочетании указывала на то, что нечестные деньги, возможно, добыты путём преступления. А если учитывать, что сверху в раскладе карта «бес», то можно прямо говорить о неоправданной жестокости. Да ещё, заметьте, к младшему члену семьи: слева картинка «щенок». Но не рассказывать же об этом разочарованному ребёнку.

– Ну, – протянул я, – думаю, «Прибежище» не такой уж плохой приют, если тебя искали, а такие платья у вас только для садовых работ.

– Нормальный, – отмахнулась Лала. – Очень хороший. Только я ведь там в каникулы не живу. Вот беда – меня забирают Корки. Ну, их все знают. Они наши дальние-дальние-дальние родственники.

Я присвистнул. Большущий дом Корков на Вершинке знают все.

– Те самые Корки, что вечно грызутся с нашими государями из-за престола?

Девочка захихикала.

– Да, считают, что триста лет назад их родственники Охти заняли это большое кресло незаконно. «Корк должен был стать королём, но эта глупая чернь предпочла Охти...»

Лала очень похоже изобразила своего напыщенного дядюшку, и мы с ней расхохотались.

– Ой, не могу, – смеялся я. – Так Паги ведь в родстве и с государем. Отчего он не забирает тебя на лето? Отчего ты не живёшь во дворце?

– Ты что? – растопырила она глаза и пальцы. – Мы и с Корками совсем почти не родственники. Очень дальнее родство. А ты говоришь, государь. Ха! Там родство прямо такое же.

– Корки могли бы забрать тебя к себе насовсем. Всё-таки семья. Не говори только, что им не хватает цагриков на твоё содержание.

– Наверное, хватает, – хмыкнула Лала. – Я не знаю. Только если бы я жила у них и зимой, я бы чокнулась. Я бы скончалась безвременно. Я тебе точно скажу: «Прибежище» гораздо лучше. Я бы хотела там на лето оставаться.

«Так давай, погости у меня! У меня есть очень младший брат, и ты будешь с ним играть!» – чуть было не вырвалось у меня. Мне понравилась Лала, хоть она и была родственницей очень плохих людей.

Но я уже был не мальчишкой, а взрослым осторожным че-

ловеком. Я сдержался, потому что вспомнил, что связываться с Корками – призывать беду на свою голову, а заботиться следует в первую очередь о себе. И, знаете ли, раз королевские враги считают нормальным на зиму сдавать девочку в приют, пусть и очень неплохой, а летом терпят её у себя, значит, всё не так просто. Значит, тут умысел и замысел, и соперникам Охти что-то нужно от дочери Пагов. Хорошо, если они всего лишь, как некоторые опекуны, нацелились на её деньги...

Подумав так, я, взрослый человек, сдержался и осторожно произнёс совсем другое. Да-да, **АБСОЛЮТНО ДРУГОЕ**:

– Хочешь, я поговорю с директрисой «Прибежища» – пусть тебя отпустят на лето погостить в моей семье? Может, твой дядюшка рад будет тебя не видеть? О! Я знаю госпожу Лилию Лио и её дочерей всю жизнь, и особенно дружу с Кэти. Всем ясно, что у нас тебе будет веселее.

Лала оказалась умнее меня. Она вздёрнула нос и приняла вид до смешного высокомерный:

– Ну ты и даёшь! Кто ж меня отпустит к тебе? Ты мне кто? Госпожа Лио считает, что я, со своим характером, обязательно должна общаться с роднёй. Это она так говорит, а на самом деле дядю с тётей боится. Знаешь, что с ней сделают Корки? Ой-ой! Да они озвереют, если узнают, что я гощу у анчу – они вас терпеть не могут и просто поубивать готовы. Анчу ведь дикари и выглядят не как люди. Ты не в курсе, кто устроил большую резню среди вас где-то примерно

сколько-то лет назад?

Любому другому я дал бы в ухо, но не девчонке же. Поймав мой зверский взгляд, она залепетала:

– Ой, прости, прости.

– Да ладно, – простил я. – Ну, приходи поиграть, вроде, почти соседи.

Лала выложила на стол два цагрика, как договаривались. Я пытался не взять, но козявка задушила меня аргументами – и просто всучила мне эти деньги. Интересно, почему дочь богатого рода Пагов совсем не имеет карманных денег?

– Я пойду, – сообщила девчонка. – А то опять искать будут. Да ещё ведь до вечера надо собраться, дядя пришлёт за мной слугу.

Она снова захлюпала носом. Стояла, опустив голову, и не торопилась уходить.

– Что, плохо тебе у дяди? – полюбопытствовал я.

– Бывает хуже. Вот, например, Мадина... Однажды её схватили за волосы и треснули лбом о дверь. Потому что она заступилась за старшего брата. Никому не говори. Я плакала и кусалась. Зуб выпал. Хорошо хоть молочный. Ну да ладно, лето же быстро кончается.

И, не дорассказав трагической истории своей родственницы, Лала махнула рукой и побежала по дорожке к выходу со двора. Я смотрел ей вслед и думал про темноглазую Мадину, которой ещё хуже, в том ключе, что не нужна ли той срочная помощь, погадать, например. Кто такая эта Мадина?

Дочь главы рода, Кырла Корка, его средний ребёнок.

Потом я повернулся к зеркалу и с минуту внимательно себя разглядывал. Почему я выгляжу не как человек? У меня всё, как у людей: голова, руки, ноги – всё на своих местах. Я не ленив, образован и, смею думать, неплохо воспитан. Дружу со спортом, у меня хороший голос, я играю на музыкальных инструментах и знаю магию. У меня в руках ремесло (и даже не одно), с которым я никогда не буду голодать. У меня полно приятелей там и тут, мне чаще весело, чем грустно. Я не имею привычки дуться и, смакуя, копить обиды. Да, я вспыльчив, но схватить женщину за волосы и треснуть о дверь... Для этого надо быть такой злобной, гнусной мерзостью, как... Будем говорить откровенно – как отец этой самой Мадины. Я слышал, конечно, что родители в этом семействе далеко не добры к трём своим детям, но не подозревал, до какой степени. Вы понимаете – и старшее, и младшее поколение скрывает это, проболталась только Лала Паг. То ли от простодушия, то ли, наоборот из вредности или хитрости.

Какого же чёрта, скажите мне, Кохи, старший из Коркиных детей, вечно цепляется ко мне, и довёл уже до того, что попадись он мне сейчас, я немедленно настучу ему по глупой башке? Он, значит, не считает меня человеком, а сам позволяет трескать сестру и себя о дверь! Замечательная семейка.

Меня затрясло от негодования, сжались кулаки. Думаете, я не знаю, что думают об анчу подобные Коркам люди? Знаю,

и сталкиваюсь с этим постоянно, и даже сержусь не каждый раз – какой смысл? Я и сейчас плевать хотел на Коркино мнение. Просто представил, как Кохи, рослого, сильного парня, эту мою вечную вражину, шарахает о дверь его папочка, а потом тот встаёт, отряхивается, потирает шишку и идёт себе в парк подражаться со мной. Как это понимать?

Но очень быстро я бросил размышлять над этой проблемой. Я, конечно, отличаюсь от прочих людей, так, как отличается от своих братьев, скажем, снежно – белый воробей. Только не надо думать, что у меня красные глаза. Глазам анчу положено быть обыкновенными, в основном, очень светлыми. У нас с мамой они серые, а у папы и Рики – светло-голубые. Мама может накрасить ресницы чёрной тушью. От этого лица анчу, конечно, делаются выразительней, но я же не стану пользоваться женскими уловками. Тем не менее, я совсем не плохого мнения о своей внешности. Скорее даже наоборот. А Кохи может и дальше клацать зубами, пожалуйста.

Тут я вспомнил, что у меня на огне кастрюлька с водой, и помчался на кухню. Меж тем колокольчик у меня за спиной тренькнул, дзинькнул, и снова, и опять. Что такое? Я мигом влил в совсем выкипевшую кастрюльку воду и побежал к калитке.

ГЛАВА 3. ДРУГ ЧУДИЛА

Там топталась небольшая толпа. Надо же – очередь! Ко мне! Народ хотел консультаций и амулетов. Дело небывалое: никто не может пользоваться такой популярностью в первый же день. Я ведь не лоточник на рынке. Пусть объявление дал заблаговременно, но всё же...

Удивляясь про себя, я быстро отпустил двух безответно влюблённых парней, одну безоглядно влюблённую даму под вуалью, молодого вельможу, одетого для маскировки попростецки, и отметил про себя, что клиенты у меня всё больше знатные и не бедные. Вельможа, подумал я, вообще вёл себя странно: будто не погадать зашёл, а просто поболтать о том, о сём. Мои предсказания не произвели на него никакого впечатления, зато мы обсудили много интересных вещей: новую театральную постановку, новую поэму новомодного поэта, нового коня самого вельможи, которого я в глаза не видел, мой новый костюм и новый сорт выющейся розы. Очень приятное, хорошее новое знакомство. Додумывая эту мысль, я снова долил воду в уставшую кипятиться кастрюльку и поскакал в кабинет, где оставил на минутку мать большого семейства, как раз желавшую знать, не ждёт ли её в будущем достаток.

Вы спросите, что может насоветовать молодой человек, только-только окончивший университет? Нельзя злоупо-

треблять советами, но известно, что иногда пара слов может изменить чью-то судьбу. Я специально обучался этому искусству. И в школе, и в университете отмечали, что в порыве вдохновения я говорю уверенно и убедительно, а бояться и сомневаться у меня сейчас совершенно не было времени.

В сумерках я понял, что молодец. В очередной раз сбегав на кухню и сняв, наконец, с огня несчастную кастрюлю, я вернулся к последнему клиенту, худому молодому мужчине в широкополой шляпе, скрывающей лицо. Представьте, он попросил меня продать ему волшебную контрабанду! У меня! Разве я могу быть пособником воров?

– Гадость какая! – возмутился я. – Ступай себе, почтенный, говорю тебе, нет у меня подводных плавающих огней и взрывчатых шариков нет. Я делаю амулеты, а не магическое оружие.

Но приставучий парень нудел и нудел, старательно отворачиваясь от света. Я готов был поклясться, что тонкие усы и маленькая бородка на его лице не настоящие. Странно хрупкие пальцы, выглядывающие из длинных рукавов рубахи, нервно подрагивали. На двух из них были заметны не тронутые загаром участки кожи – следы от колец. Я даже моргнул: не от женских ли?

– Так ведь это приносит доход. Ты б занялся. Добудь мне хотя бы огни. Я заплачу. Даже больше того. Я говорю с тобой от имени цеха... ты понимаешь, какого. Тебе нужно покровительство.

Тут я малость струхнул. Молодого неопытного мага решил прибрать к рукам цех воров. И как быть? Где искать защиты, если начнут угрожать моей семье? То есть, я могу что угодно сделать сейчас с этим парнем при помощи магии. Могу, например, обездвижить и сдать полиции. За себя я сумею постоять, но как же моя семья? Это моё слабое место, я всюду вижу опасность для неё, об этом все знают. Да, испугался, но постарался взять себя в руки.

Пожалуй, я сейчас вот что сделаю: наложу на грабителя заклятие недельной трясучки, и пусть он больно прикусывает язык каждый раз, как попытается заговорить. Например, со своим главарём обо мне. Вытолкаю его вон. Пусть примут к сведению моё предупреждение, пусть боятся связываться со мной! Авось отстанут, а я пока разужнаю...

В области двери раздался шорох. Я вздрогнул, аж подскокил. Вор напрягся на стуле и потянулся к поясу.

– Покровительство у него уже есть, – тихо сказал из тёмного коридора сгусток тени. Шаг – и он оказался на свету.

Как всегда, весь из себя такой красивый и подтянутый, уверенный и весёлый. Умеющий при необходимости так усмехнуться в лицо недругу, что тот и в штанишки наделать может.

– И такое покровительство, что тебе не дотянуться. Топай отсюда, пока я не принял меры.

Говоря это, мой задушевный друг Чудила отступил от двери и широким жестом показал вору, где выход. При виде

моего приятеля, тот убрал руку с рукояти кинжала и почему-то расплылся в улыбке. Это странно. Миг мне казалось, что нежеланный гость заговорит с Чудилкой, как со знакомым, но этого не случилось, он юркнул мимо полевой мышкой, прошуршал по дорожке и звякнул колокольчиком.

– Вы знакомы? – удивлённо спросил я.

Но дружок мой тоже выглядел озадаченным.

– Ты знаешь, Миче, я со многими знаком. Даже с не совсем правильными людьми знаком. Но этого в первый раз вижу. Наверное, он просто что-то слышал обо мне.

Скорей всего, так и есть, кто ж не слышал о Чудиле?!

– И запирай на ночь двери, – сказал он мне.

Для своего прозвища Чудик очень рационален. Он складывает в уме большие числа, знает, куда лучше вложить средства, и, если рискует, то всегда разумно, составив план и просчитав все варианты. Думаете, из-за этого отличия от нас, бесшабашных студентов, он заслужил своё прозвище? Нет. Чудила просто чудит. Вы поймёте, сейчас рассказывать не буду. Он сын богатого и влиятельного человека, приехал из другого города для учёбы в университете, а потом решил остаться в столице. Студентом, он работал в конторе, где был на хорошем счету, ходил в любимчиках у хозяина и неплохо зарабатывал. Что интересно, загадочный хозяин прощал ему все безумства. Что за контора, хотите вы знать? До некоторого времени у меня не было сомнений в том, что она занимается охраной природы – я потом объясню, поче-

му, и всё расскажу подробней. Замечу только, что я лично принимал участие в проверках нескольких фабрик. Проверки были организованы самим Чудилкой, борцом за чистоту окружающей среды – так откуда возьмутся сомнения? Мы дружим с детства, потому что мальчиком он с родителями приезжал на выходные и на каникулы в Някку. У родителей в столице были дела и родственники.

– Ну, – спросил Чудила, усевшись напротив меня, – помогла тебе наша реклама?

– Реклама?

– Да. Уж как мы с Мальком расхваливали тебя направо и налево!

Малёк – это Лёка, сын супругов Мале, тех самых, торгующих красными платьями. У меня два лучших друга: Чудилка и Лёка.

– Зачем вы расхваливали меня? – озадачился я. – Ко мне и так всегда... ну, время от времени, люди погадать приходили.

– Помочь хотели, – радовался Чудилка. – И ведь помогли, правда? Слушай, предскажу тебе будущее: с нашей помощью ты очень быстро разбогатеешь. И женишься.

– Нет, не буду жениться.

Я смеялся. Кстати такая деталь: на ремонт дома я попросил займы у него, а не у родителей. Чудилка очень привязан к моим маме и папе, но он ни капельки не удивился, услышав мою просьбу. Потому что, знаете ли... Не очень родите-

ли одобряют моё увлечение магией и гаданиями, считают это низким занятием, не делающим чести фамилии Аги. Сейчас так многие считают. В нашей стране вообще не поощряются занятия, связанные с колдовством. Чудо просто, что в тот год, когда мне пришла пора становиться студентом, в университете вдруг открыли факультет магии и объявили набор тех, кто имеет способности. Нас оказалось шесть человек. На следующий год приняли пятерых. И было заявлено, что на этом всё. Будущей весной, выпустив студентов, факультет перестанет существовать.

В пору, когда мои сокурсники тихо-тихо возмущались этим решением, я этого не понимал: ведь сама светлая Эя или, иначе, Винэя, чьим именем названа наша планета, наделяет человека магическими способностями. Отказаться от её даров – значит призвать в свою жизнь несчастья. Папа и мама не препятствовали моей учёбе, хоть и ворчали немного. Но теперь, нарезвившись, я должен был вплотную заняться семейным бизнесом.

А кто сказал, что я не занимаюсь? Разве я плохой помощник? Я давно постиг тонкости ювелирного мастерства, торговли за прилавком и заключения сделок. Я всего лишь превращаю свои изделия в амулеты и талисманы. Мне кажется, это не повод для того, чтобы осуждать меня и обсуждать, как сдать дом деда и бабушки посторонним людям. Понимаете, этот дом дорог мне. Я в нём родился. Я любил родителей мамы. Здесь полно милых моему сердцу вещей. Я подсуетился,

и переехал сюда, поступив самовольно, и было мне довольно тяжело на душе, но будущее казалось увлекательным.

– О! – сказал я Чудилке. – Спасибо за то, что расхваливали. А я думаю, что это приходят соседи да богатенькие гаврики? Причём маскируются под соседей.

Чудила был доволен как щенок, которого чешут за ухом:

– И как она на вкус, эта самостоятельная жизнь? Два дня в трёх кварталах от родительского дома – не слишком ли тяжёлое испытание для махателя волшебной палочкой?

– Не пользуюсь волшебной палочкой, – надулся я. – Ни палочкой, ни...

– Палочкой, тряпочкой – всё равно. У тебя есть, что съесть?

Я повёл приятеля на кухню, по пути рассказывая о злоключениях вечно кипящей кастрюльки. Вода в ней, конечно, остыла, и пришлось снова ставить посудину на огонь. Попутно я обнаружил, что еды нет абсолютно никакой. Выпечку, принесённую соседкой, я неосмотрительно оставил на столе, и теперь её меланхолично дожёвывал Чудилкин конь. Он так всегда поступал: просовывал морду в окно и съедал то, что считал съедобным.

– Н-да, – сказал я, прижав к себе последнюю булочку. – Хотел сбегать в лавку. Не вышло. Будем пить чай. И убери отсюда своё чудовище.

– Он не чудовище, а Сокровище, – оскорбился хозяин прожорливого коня.

– Сколько раз говорить: оставляй его за воротами...

– Нельзя обижать животных.

– Отводи его в конюшню, а не бросай, где попало. В прошлый раз он объел мне крыжовник!

– Это не он. Это гусеницы. Лошади не едят колючки.

– Этот ест. Вместе с гусеницами. Зато я теперь буду голодным.

– Так ты и не обедал? – пожалел меня товарищ. – Что бы ты делал без меня?

– Ты принёс мне поесть?

– И попить.

С этими словами Чудила выставил на стол бутылку вина. Оказывается, раньше, чем меня, он посетил кухню и спрятал в углу корзину с разными вкусными вещами.

– Отметим твой первый рабочий день. Кстати, как тебе девочка?

Я задумался.

– Девочка? Которая?

– Ты, друг мой, ошалел сегодня от обилия молоденьких клиенток? – со смехом спросил Чудила.

– Есть немного.

– Я о девочке, о Лале Паг.

– А! Ну да! – вспомнил я. – Так это ты её сюда прислал? Посоветовал потратить последние два цагрика на бессмысленное гадание? Паги пропали без вести.

Чудила сделал вид, что огорчён.

– Во-первых, не бессмысленное. Время от времени надо же посматривать, не будет ли уже какой-нибудь вести? Во-вторых, я не советовал. Лала на меня обижена. Не послушала бы меня. Я просто прилепил объявление на столб ограды в том месте, где она рыла подкоп. В-третьих, хотел, чтобы вы познакомились. В-четвёртых, не ожидал, что ты сдерёшь с ребёнка деньги.

– Да откуда ты её знаешь?

– Подружился года три назад. Как раз перед тем, как её мамочка с папочкой ринулись в очередную авантюру и пропали.

Я глотнул замечательного Чудилкиного вина (где он такое достаёт?) и шутливо погрозил ему пальцем:

– Чувствую, ты имеешь в этом деле свой интерес. Может, тебя привлекают выдуманные сокровища Пагов? Но, думаю, девочка не знает ни о чём таком, иначе Корки давно бы уже прибрали их к рукам. Набрали бы банду головорезов и устроили переворот. Кстати, ты не из Корков?

Это наша шутка такая, с детства ещё. Друг друга поддразниваем.

Чудила захихикал и замахал обеими руками.

– Лучше утопиться, чем быть сынком Корков. А ты забыл, как меня зовут?

Чудилу зовут Петрик. Петрик Тихо. Выслушав мои шутливые заверения, что я с ним знаком, он вдруг наклонился над столом и поманил меня пальцем. Я наклонился тоже.

– Страшная тайна, Анчутка, – зашептал он мне в ухо. – Я знаю, что это за сокровища. Только я и мои родители, а теперь и ты. Это не деньги и не камни, это записи об их открытиях. Возможность попасть в другой мир. Земля, Эзочка, Иллен...

Зная Чудилу и помня гадание, я сначала ему безоговорочно поверил, а потом сразу взял быка за рога:

– Я не хочу в эти миры!

Мой товарищ сделал удивлённые глаза и выдал:

– Но это ведь так интересно!

– Это не интересно, – остудил я его пыл. – Стоит открыть Проходы – и нашему миру конец. Стоит сунуть тебе на Землю свой любопытный нос, как инопланетяне явятся сюда со страшным оружием, со своими порядками и торговлей ужасными, неправильными продуктами. Мы же читали с тобой: земляне очень агрессивны и не терпят чужого мнения и образа жизни. На Эзочке, как ты знаешь, когда-то водились воинственные волшебники в огромных количествах, изобретатели Великой Запретной магии. Они сами себя погубили, но как знать, может, не все. Да ну их. Мы против таких младенцы. На Иллене, говорят, вообще, всем заправляют не люди, а лисы, на...

– Стоп-стоп. На Землю мы соваться не будем.

– Никуда не будем, ясно? Открытие Проходов грозит бедой. Никто не вправе...

– Так мы бы побывали где-нибудь и вернулись. Просто по-

смотрели бы. Нашли бы Лале её родителей.

– Думаешь, Проход есть в той пещере, куда ты загнал бедную девочку? Да, я понимаю, это сделал ты.

– Так ведь я же её и нашёл. Я следил за ней.

– Понятно, кто там шуршал и распугал всех привидений.

– Она знает, Миче, я убедился. Нет, не так. Не знает, а может найти это место. Что-то слышала, что-то читала.

– Так ведь записей нет.

– Значит есть. Только все думают, что Паги спрятали сундуки с золотом. А это тетради. Подумай, вдруг родители Лалы не могут вернуться с той стороны. Жалко их.

– Мы тоже не вернёмся. Пропали люди из экспедиции.

– Тем более. Мы их вернём.

– Отстань.

– Ты жесток.

– А ты – интриган. Пусть Паги остаются там, где они сейчас находятся. Дедушка не хотел иметь с ними дел, говорил, что ходят про них слухи недобрые.

– Мне просто интересно.

– Умерь любопытство. К тому же, есть Корки. Они спят и видят навредить нашему доброму государю. Они выследят девочку и приведут сюда несчастья. Приведут неблагоприятных Пагов, где-то в каком-то Недосягаемом добившихся власти. Нет. Лала должна жить спокойно. Не внушай ей надежду.

Вы сейчас отчасти поймёте, почему Петрика зовут Чуди-

лой.

Я думал, он прицепится, и будет развивать эту тему, и настаивать на своём, и говорить, как здорово побывать в других мирах, но он улыбнулся, кивнул, и поднял бокал.

– Ты прав, впрочем, как всегда, прекратим глупую болтовню, – сказал он, высовывая в окно руку с солёной корочкой: даже и не подумал отвести Сокровище в конюшню. – Ты должен знать, Миче, что девочка недавно сама пришла ко мне и просила содействия. Ей, видишь ли, тошно летом у дяди жить, лучше уж искать маму и папу на просторах Вселенной. Я ей ответил твоими словами. Ещё указывал на то, что в подземной стране можно покалечиться. Или даже шею свернуть. Только чувствовал, что она всё равно полезет в твои родовые норы, хоть я ей и запретил. Думал: как предотвратить? Когда Лала пришла, был вечер, я собирался в поездку, она меня случайно застала. Два дня меня потом не было в городе, ты знаешь, дела нельзя было отложить.

– Два? Ты отсутствовал дольше. Ты не явился на экзамен, и тебе пришлось его сдавать вместе с двоечниками прямо перед вручением диплома. Твоё начальство дало тебе бумагу о том, что обязанности задержали тебя там, куда ты ездил.

– Рассказываю. На второй день вернулся почти ночью. Утром на третий вышел из дома, чтобы ехать в «Прибежище», предупредить госпожу Лили. И тут по улице катит Кэти, её дочь. Остановила лошадь, и мы поболтали немного. Я говорю, надо следить за Лалой, потому что ей хочет-

ся полазить по пещерам, а Кэти так и ахнула. Оказывается, директриса как раз увезла подопечных на экскурсию в долину. Я оседлал Сокровище, наплевал на экзамен, и поскакал следом. Что я за болван, Анчутка?! Почему не написал директрисе письмо с дороги? Не отправил телеграмму? Почему не подумал, что раз ребёнок пришёл ко мне с такими идеями, значит, вот-вот что-то намечается, поездка в долину, например. Но знаешь, если бы не было экскурсии, Лала нашла бы другой способ добраться до пещер. Поразительной смелости девочка. И авантюристка, как все Паги. И чуть не случилась беда! Представь, не успею я вовремя, Лала свалилась бы в подземную реку. Я ухватил её на самом краю.

– Не терзай себя, – посоветовал я. – Ты вернулся раньше, чем дошло бы твоё письмо. Да и телеграмма вряд ли застала бы начальство в «Прибежище». Был большой переполох?

– Да! Когда я явился ко входу, внутри было столпотворение. Напомни-ка мне: впервые за сколько веков? Все искали одну Лалу. Ты бы слышал, как она ругалась, когда я оттащил её от обрыва! Лягнула меня! Пещеры – они ведь опасны, Анчутка. Мне они не понравились. Там рисунки такие... с глазами.

Чудила показал руками, какие именно глаза у рисунков. Выходило, что очень большие.

– Зачем же ты приклеил на ограду объявление? – спросил я.

– Ну... Чтобы Лала познакомилась с тобой. Нет, чтобы ты

познакомился с ней и при случае сказал то же самое. Чтобы дошло до неё! Детей надо воспитывать.

– Всё равно ты интриган, – пробурчал я. – И ведь не сказал мне, что пропал не по работе, а в пещерах.

– Хотел сначала познакомить тебя с Лалой, – виновато забормотал Чудилка. – Хотел, чтобы ты не лекцию ей прочитал по моей просьбе, а естественно отругал. От души. Даже шесть цагриков специально потерял у ограды, чтобы уж точно Лала к тебе помчалась. И, кстати, разве у нас с тобой было время поболтать в эти дни? Лёке я рассказал.

Вы видите, каков этот Петрик? Его волнуют воспитание и безопасность девочки, а вовсе не сокровища и не тайны Вселенной. Это мне очень нравится в нём.

Я не стал ему объяснять, что до разговора о путешествиях по мирам у нас с Лалой дело не дошло. Однако, решил про себя, что обязательно отругаю её при встрече, раз уж мы теперь знакомы.

Подкрепившись, Чудила предложил пойти в парк и походить там.

– Идём, – обрадовался я. – Зайдём за Мальком. Кстати, почему он сам за нами не зашёл?

– Понятия не имею.

*

Чудилка всё-таки завёл Сокровище в конюшню, и, болтая ни о чём, мы побрели к дому Мале, что ниже по ули-

це. В освещённой витрине по-прежнему красовалось красное платье и разные женские штучки. Сумочки, ремешки и шляпки. Справа от входа светилась вывеска: «Парикмахерская господина Мале. Добро пожаловать». Это я, поколдовав немного, сделал так, чтобы вывеска светилась.

Сам Иванко Мале и его жена мирно ужинали.

– О, мальчики, – хлопнула в ладоши мама Малька. – Вы голодные?

– Нет, – хором сообщили мы и спросили: – А где Лёка?

– Да вы садитесь, – наплевав на наше «нет» прогудел высоко-челенный хозяин дома. – Лёка отправился с девушкой в парк.

– С девушкой? – удивились мы.

– Ах, такая девушка странная, – засмеялась тётушка Мале и заговорщицки мне подмигнула. – Сказала, её прислал ты, Миче, за тем платьем, что в витрине. И коробочку мне передала. Симпатичная девушка, но затюканная. Я даже думала, у неё местами паралич. Например, в руках, в ногах и во рту.

– Да, – поддакнул дядюшка Мале.

– А потом ничего, – говорила его жена. – И платье ей подошло, и юбка с блузкой, и жакет в мелкую клеточку, и ещё кое-что. Всё купила, как увидела себя в зеркале.

– Да, – вставил супруг.

– И подстриглась? – спросил я, узнав в странной девушке Аню.

– Да, – сказал господин Мале. – Стала гораздо, гораздо красивей. Если б вы знали, мальчики, как женщину меняет

причёска! Порой мы с вами смотрим и не поймём в чём тут дело, отчего девушка так хороша, а ведь это красиво уложенные волосы...

И так далее, и так далее. Супруга парикмахера скучала, слушая это в миллионный раз, а мы успели съесть по пирожку. Наконец тётя Марина смогла вставить словечко:

– И знаешь, Миче, она, девушка эта, оказалась дочкой одной финтифлюшки, актрисульки одной, что моему благоверному по молодости глазки строила: парень-то видный, особенно, как форму надевал!

– А то! – кивнул дядя Иванко. – В ту пору родня хотела меня, как водится, навсегда на таможенную службу отдать. Да только ни служба, ни финтифлюшка меня не привлекали. Какие там актрисульки при моей-то Маринке! – и он, согнувшись почти пополам, поцеловал супругу в макушку. Я знаю, у них с ранней юности любовь.

– Так значит, Лёка сегодня не с нами, – подвёл итог Чудила. – Ну-ну. Пошёл он, значит, с девушкой в красненьком платье? Так-так.

– Ну и ладно, и пожалуйста, – добавил я, показывая, что пусть его как хочет, взрослый уже, и может гулять с кем угодно.

– Не обижайтесь, мальчики, – весело сказала тётушка Марина. – Вы ведь тоже гуляете с девушками.

Услышав такие слова, я задумался, с какими это девушками я гуляю, почему во множественном числе? А Петрик

покраснел и опустил глаза, словно был в чём-то виноват. Чего ему стыдиться? Для того и молодость, чтобы знакомиться и влюбляться. Правда, мой дружок ещё ни разу никем не увлекался по-настоящему, несмотря на многочисленные знакомства. Среди девчат даже ходили слухи, будто он безнадежно в кого-то влюблён. Это не так. Я бы знал. Чудилка совершенно не похож на человека, страдающего от неразделённой любви. Правда, о Мадине, дочери Корков, он отзывался так, как ни о какой другой девушке. Но это же бред – предположить, что такой хороший человек увлётся родственницей известных негодяев.

– Да мы-то что? Мы ничего, – пятясь к двери, забормотали мы, имея в виду, что не сердимся на Лёку.

Я и Чудила вышли на улицу, пахнущую свежестью, морем и ночными цветами.

– Так значит, ты подослал Мальку девушку? – оскорблённым тоном уточнил приятель.

– Я не с этой целью.

Мы расхохотались. Малёк самый тихий из нас, а смотри-ка, как быстро сориентировался.

– Идём в парк, – сказал я, – а то и там всех разберут.

На самом деле меня волновало, чтобы не разобрали одну, самую лучшую девушку, и по мере того, как мы спускались, я всё ускорял и ускорял шаги. И улыбался в предвкушении встречи. Я не видел её с выпускного вечера, не понимаю, как так могло получиться.

ГЛАВА 4. В ПАРКЕ У МОРЯ

Посмотрите же, до чего он прекрасен, мой город. Он золотой и зелёный, он белый и голубой. Он террасами сбегает к морю, он карабкается по склонам, он шумит ветвями и площадями. Над его переменчивым морем кружат вольные птицы, провожающие и встречающие корабли. Ночью в парках туман и пар от целебных горячих источников, днём – свет, свет и свет на всём и везде, кроме тенистых уголков, где приятно укрыться влюблённым, где радостно посидеть в прохладе. Широкие ступени, крутые улицы, каменные дома со смешными деревянными пристройками, гомонящий порт, иноземная речь, запах рыбы, хвои, цветников и солёной воды...

А кто-то ведь скажет: чересчур много чужаков, вот-вот разведётся грязь, да того и гляди будут драки. Кому-то хватит ума с топором бросаться на дивную иву, приют желающих целоваться. Кто-то осуждает карусели и неумеренный смех. Кто-то пинает щенка разглагольствуя о всеобщем счастье. А тот вон плюёт на ограду дома, в котором внезапно завёлся доход и молодая хозяйка красивее, чем у плевателя. Кто-то скажет: тревожные признаки упадка культуры и традиций, мир катится в бездну... с такими-то жёнами.

Я смеюсь втихаря. Я говорю: смотрите на то, что вам приятней. Кто хочет – видит Зло и Тьму, кто хочет – Доброту и

Свет. Каждый знает свою красоту в придуманном для себя мире. Каждый находится там, где приятней ему. Мне приятней в смешном доме с пристройками, в саду, где цветёт сирень, где соседи собираются вместе на праздники. Из окна видно море, и я улыбаюсь, вспоминая о вчерашней болтовне ни о чём и о тех, кто улыбался мне. Думаю, это красивый мир. Радуюсь, что живу в нём, вижу его и слышу его звуки.

Это говорю вам я, Миче Аги, один из последних потомков пещерного народа анчу. Моему народу всегда приходилось нелегко, и мне положено бы говорить другое, но, знаете ли, не хочется.

*

В парке играла музыка, и чем ближе к оркестрам, тем громче был смех, чем дальше от них – тем слышнее шорох ног и листвы, шуршание моря, лижущего гальку, и лай собак с ближайших улиц. Где-то всё залито светом фонарей и цветных фонариков, где-то темнота и густые тени, и видно множество звёзд и огней на горах и в море. Мы с Чудилкой, само собой, придерживались людных мест.

Я всё крутил головой, вглядываясь в женские лица и прислушиваясь к женским голосам. Не прошло и пятнадцати минут, как нам встретилась стайка наших бывших сокурсниц, и мы примкнули к весёлым, разрумившимся девушкам. Чудилка усмехнулся, когда я ринулся к ним с заранее протянутой в сторону Наты рукой. От счастливой улыбки

у меня даже шевельнулись уши. И так, улыбаясь во всю возможную ширь, я начал было жаловаться на хлопоты с переездом и ремонтом, которые целых два дня не позволяли мне навестить её. А у Наты такие глаза, и так светло она на меня смотрела, что я подумал: а стоит ли сейчас толковать о ремонте? И увлѐк её поближе к музыкантам. И мы как раз танцевали с этой замечательной девушкой, когда я на кого-то наступил, и этот кто-то взвыл и ткнулся носом мне в спину. Как вежливый человек, я сдержал ругательство и обернулся, чтобы извиниться.

– Простите, – пискнул раздавленный чересчур знакомым голосом.

– Ты! Ах ты!.. Где родители? – рывкнул я, поймав за шиворот собственного очень младшего братца. – Понятно, ты опять здесь один, хоть отец запретил...

Вполне справедливо, надо сказать. Это я, маг и взрослый человек, могу за себя постоять. А если на десятилетнего потомка анчу нападѐт шайка подвыпивших сторонников Корков?

– Миче, он не один, – обняв меня за плечи, шепнула Ната. Её дыхание приятно пощекотало мне шею, а русые волосы – щѐку, от чего мурашки забегали по спине.

Из-за плеча моего сорванца выглядывало глазастое существо с двумя бантиками. Я сразу сбавил тон. Позорить Рики я не буду. В конце концов, я при таком раскладе как-то дожил до своих лет.

– ...запретил тебе соваться сюда без карманных денег. Есть? – закончил я нравоучение.

– Нет, – не растерялся хитрый братец.

– На, – сунул я ему в руку несколько монет. И шепнул: – Будешь держаться на виду – никому ничего не скажу. И угости девочку чем-нибудь вкусным.

– Есть, командир, – весело вякнуло хулиганистое существо и, представьте только, взяв свою девочку за ручку, повёл её к лотку с мороженым.

– Ната, – выдохнул я, – гляди, он уже скоро целоваться начнёт!

Моя спутница нежно засмеялась и мы вернулись в круг.

– Что такого страшного, Миче? Вспомни, во сколько лет мы поцеловались в твоём саду, – проворковала она.

– А! О! – мудро сказал я и тоже засмеялся. Это очень забавные воспоминания о легкомысленном детстве.

Я танцевал с Натой, но краем глаза следил за Рики, который, как обещал, держался поблизости. Он понимает, что я волнуюсь за него. А Ната – она такая девушка, что многие хотели бы с ней потанцевать. Я не против, нет, но, когда кто-нибудь подходил спросить у меня разрешения, я думал, что он, конечно, перебьется.

Через какое-то время мы, все вместе, вся наша компания, стояли у карусели, хрустели сладкими палочками и махали руками моему Рики и его девочке. А сзади них – вот умора-то! – сидели Малёк и Аня в красном платье. Колени

Малька находились, по-моему, выше ушей, потому что он чрезвычайно высокий парень. Девушка засмушалась, узнав меня, а наш дружок весело улыбался и время от времени тоже помахивал рукой. Девчонки восторженно повизгивали, и за нашими с Чудилой спинами обсуждали незнакомку. Скромная лапочка – таково было их мнение. Да, надо признать, что красный цвет прямо-таки изменил Аню. Прямо-таки в лучшую сторону. Я был уверен, что под кружевом у неё приколоты на счастье обычная швейная булавка – та самая, которая оказалась в её кулаке, когда она поймала блестящую пылинку.

– Интересно, кто из нас раньше женится? – задался вопросом Чудила. – Думаешь, тихоня преподнесёт нам сюрприз?

– Сюрприз нам преподнесёт вон кто, – пробурчал я, указывая на очень младшего братца. Он как раз галантно помогал своей девочке сойти с карусели. Вот паршивец, весь в меня!

На выходе поднялась суматоха, и Ане вместе с Мальком удалось улизнуть, хоть девчонки и караулили их, желая рассмотреть Аню и всё про неё разузнать.

– Идёмте, найдём их, – подначивали одни.

– Имейте совесть, дайте людям спокойно погулять, – спорили другие.

А Чудила вдруг больно толкнул меня в бок.

– Глянь, кто там?

А я, видите ли, в то время... Именно так: в то время я пло-

ховато видел, но очки носил не всегда. В тот вечер, например, я их забыл. Плохое зрение – наследство предков, обитавших в полутьме подземных городов. От них же – белого цвета волосы и не поддающаяся нормальному загару, очень, очень светлая кожа. Оттого такие, как Корки, не любят анчу. Им кажется, что мир хорош только тогда, когда все вокруг смуглолицы. Да и то найдут к чему придраться.

– Где? Кто? – я похлопывал себя по карманам в поисках очков.

– Да вон же, там, за скамейкой.

– Там?

– Да нет, за фонтаном. Вон тот, гляди.

– И кто это?

– Ловкач. Да, наверное, он.

– И что?

– Так с кем он?

– Не знаю. С девушкой? Вроде, кто-то в шляпе.

– Ой, дурной! – это Петрик обо мне.

– Не дурной, а слепой, – поправил я.

– Прости, забыл.

Чудила поволок меня сквозь толпу к скамейке, стоящей в тени куста. Я, натыкаясь на гуляющих, торопился за ним, потому что хватка у приятеля железная. Наши девушки остались у карусели. Петрик говорил на ходу:

– С Ловкачом вор, что сидел у тебя. Я его хорошо рассмотрел.

Для меня осталось загадкой, как вообще можно рассмотреть что-либо через всю площадь, но теперь и я видел, как ещё один наш приятель глянул в нашу сторону, а некто в шляпе, смутно похожий на знакомого друга контрабандистов, сразу же растворился в темноте.

Широко улыбаясь, Воки Ловкач шагнул к нам.

– О! – налетел на него Чудила и потряс за плечи. – Он ничего тебе не сделал? Ничего не украл? Чего он хотел, этот, в шляпе?

– Этот? – Ловкач озадаченно оглянулся. – Дорогу просто спросил. Ему к Старой площади надо.

Чудила прямо руками всплеснул:

– Он вор! Ха! Не знает, как пройти! Ха! Проверь кошелёк, ты, растяпа!

С этими словами Петрик лично и ловко похлопал Воки по бокам, словно бывалый полицейский.

– Кошелёк пропал, – огорчённо поведал Ловкач и вывернул карманы. – Нет кошелька.

– Ну всё, теперь не поймать, – Петрик совсем расстроился.

– Да ладно, денег там было мало. Сам кошелёк жальче. Дядин подарок. – Ловкач повздыхал, а потом обратился ко мне: – Привет, Миче, как поработал?

– Превосходно! – сообщил я, обрадовавшись, что ещё кому-то можно рассказать о своём первом настоящем рабочем дне. Подбежали наши девчата, подбежал мой очень младший брат. Без девочки. Она ушла с родителями, а мой мальчишка

остался бы один в темноте, если б не я.

– Мне надо домой, – осчастливил он меня сообщением. – Я, конечно, уже мог бы пойти, но если тебе не сказать, ты переволнуешься и умрёшь прямо тут под кустом.

Ну, вообще-то, да. Прямо в точку. Однако, в мои планы не входило покидать Нату, парк, и идти провожать сорванца.

– Зачем тебе домой? – хором удивились мы все. – Гуляй с нами, раз уж ты здесь.

Но нет. Сознательный Рики взвалил на себя важную работу и рвался её доделать. На юбилей школы родители собрались преподнести директору, очень достойной женщине, ценный подарок. Они собрали деньги и решили заказать у папы красивые серьги. Узнав об этом, Рики вызвался лично выполнить заказ. Это была бы его первая серьёзная работа. И первый солидный заработок, между прочим. И наш папа, и родители учеников оказали ему такое большое доверие. Всё равно до осени было всё лето, и, если бы вдруг что-то пошло не так, папа или я успели бы вмешаться и исправить.

Рики сам себе установил сроки и уже нарисовал эскиз. Задумка ему самому очень понравилась, но он не успел показать рисунок ни мне, ни родителям. В гости к Рики сегодня днём забежал приятель Тиле и мальчишки увлеклись поделками из бумаги. Затем они прибрались в комнате, бросив в кухонную печь ненужные бумажки, тут же, на кухне, стащили несколько котлет и, завернув их в другие листки из Рикиной комнаты, отнесли ужин бродячим собакам. После это-

го эскиза никто не видел. То ли он уплыл в виде кораблика по ручью – притоку Иканки, то ли сгорел в печи, то ли был облизан и погрызен голодными псами. А утром Рики обещал представить рисунок на папин суд. Папа должен был некоторое время провести в Лечебнице – я же говорил, что он неудачно упал. Рики хотел, чтобы отец оценил его старания до отъезда. На вечер у братца было назначено свидание с девочкой, но теперь необходимо было заняться восстановлением эскиза. Пришлось признать, что это уважительная причина, чтобы покинуть нашу компанию. Я вздохнул. Ничего не поделаешь, придётся провожать растеряху до дома.

– Не надо меня провожать! – возмутился Рики.

– Терпи, дружок, ничего не поделаешь, – с трагическим видом Чудилка похлопал Рики по плечу. – Раскрой глаза и посмотри: это же Миче. Он всё равно тебя проводит.

– А! Ну да! – опомнился мой ребёнок и широко улыбнулся. – Это же Миче!

Раньше надо мной посмеивались за стремление всегда опекать младшего брата, теперь даже никто не хихикнул, все давным-давно привыкли. Рики весело распрощался со всеми, и мы с Натой откололись от компании, чтобы отвести его домой. Наняли извозчика, потому что Рики торопился рисовать эскиз.

– Миче, ты лучше всех! Завтра с утра я у тебя, – сказал он на прощание, крепко обняв меня и расцеловавшись с Натой.

Из окна детской можно спуститься на крышу веранды,

а оттуда, по яблоне, на землю. И в обратном порядке. Такое проделывал я, а теперь – Рики, пока родители в гостях, например, а прислуга мирно пьёт чай и думает, что ребёнок спит или читает.

*

– Идём, – позвала Ната, когда ветки яблони окрасились золотым светом из окна детской.

– Куда? Целоваться?

Посмеиваясь, мы двинулись вниз по улице.

Простите, кажется я не сказал... Не объяснил как следует... Ничего, я исправлюсь, расскажу сейчас. Это важно. Мы с Натой просто друзья, и дружим с тех пор, когда ещё не стесняются писать в штанишки. Мы просто друзья – это уяснить совершенно необходимо. Но пройтись с красивой девушкой по набережной всегда здорово. Ната очень, очень красива.

Мы брели к морю. И, хотя мы только друзья, близость Наты волновала меня так, что захватывало дух, в общем, как всегда. Даже в детстве я испытывал что-то такое. Но это именно проявление дружеских чувств – не правда ли? Кажется, я не сводил с неё глаз, я с удовольствием глядел бы на неё всю жизнь, и почему-то меня всегда тянет коснуться её, когда она рядом. Не знаю я, как можно идти с Натой и не смотреть на неё. Знаете, как Ната улыбается, какие у неё выразительные глаза и тёплые руки, а ладони в мозолях от вёсел и снастей и такой маленькой садовой тямки? И она

очень умна, она училась лучше всех, просто как Петрик, поговорить с ней одно удовольствие. С Натой легко, спокойно и весело, и всё в тысячу раз красивей и интереснее, чем без неё, а её русые волосы пахнут махровыми жёлтыми цветами звездчатки. Будь я древним воином, и участвуй в турнире, я участвовал бы с ярко-жёлтыми ленточками на груди и копье, потому что это Натин любимый цвет. Как я колотил мальчишек, если они обижали её! Я знаю, что она любит, во сколько встаёт, где училась играть на читре, что думает по поводу проигрыша команды Някки команде Ануки, что терпеть не может кислые яблоки, и в театр на трагедию её приглашать бесполезно, а вот на комедию – другое дело, и это мне по душе. И ещё приятно, что они с моим Рики большие друзья. Мне, наверное, всё в ней нравится, и всегда нравилось. А восхищаться своим другом – что может быть естественней и приятней? Я восхищаюсь Натой. Как другом.

В поредевших к ночи толпах гуляющих, мы снова увидели Малька и его Аню, но не стали их окликать, мы же воспитанные люди.

– Как романтично, – говорила Ната, любуясь огнями, и тёмным морем, и пёстрыми нарядами, и красноватым светом маяка, и подсвеченными снизу тёмными кронами парка. – Пойдём к пляжам?

– Давай, – согласился я. – Между прочим, мы с Рики уже купаемся.

– Надо как-нибудь выбраться всем вместе. Может, завтра?

– Может, – согласился я. И тут меня окликнули, чему я был вовсе не рад. Мало того, волна злости, захлестнувшая меня, помешала мне услышать начало фразы и увидеть говорившего.

– ...А если ты, Ната, бросишь его, к тебе может посвататься приличный парень, – говорил Кохи Корк, который на год меня старше и лет на сто дурее.

– Да, даже Кохи может посвататься, – загоготал кто-то из его компании. Пьяноватые парни выдвинулись из темноты. Их противный предводитель продолжал изгаляться:

– А то ведь, пока ты прогуливаешься с этой бледной поганкой, приличные кавалеры на тебя и не взглянут.

– Кохи, – сказал я, – уйди по-хорошему. Или опять будет драка. В прошлый раз ты отделался сломанным пальцем, а в этот раз будет кое-что похуже. И снова твой отец станет платить штраф, потому что начал ты.

– Ребята, он струсил! – заголосил идиот. – Его и пальцем тронуть не собираются, а он уже угрожает. Да мой отец...

– Вот и славно. Идём, Ната, – обратился я к своей спутнице.

На самом деле, меня так и подмывало много чего высказать Кохи. Унизить его так, как он всегда пытался унизить меня. Например, спросить, хорошо ли он нынче схлопотал от папочки. Я был уверен, что здорово – неспроста ведь он так напился. Неспроста прицепился ко мне, едва увидев. Но нет. Почему-то мне очень неприятна была картина, нари-

сованная воображением: Кохи, с покорным видом потирающий шишку, и старый злыдень – его отец с перекошенным от ярости лицом. Язык словно одеревенел. Словно никогда в жизни я остроумно не отвечал на выпады Кохи, словно никогда не видел его, потирающим шишку, поставленную лично мной.

Компания Кохи перегородила нам путь.

– Думаешь, раз ты маг, тебе всё можно? Гулять с нашими девушками, ходить по нашим улицам... Ты – вонючий белёсый анчу, а их место – в каменных дырах. Тех, кто вылез оттуда, мы загоним обратно или вырежем под корень.

Дружки Кохи подвякивали из тени, но он что-то разошёлся пуще всех. Упился вина по самые уши. Обычно Коркин сын гораздо изобретательнее в оскорблениях, его намёки тонки и язвительны, слова остры, как нож, и даже выражение лица может быть таким, что вам покажется, будто на вас плюнули. Но сейчас он брехал, словно глупая шавка, и фразы его были фразами его отца, человека тупеющего в приступе злобы. Язык у Кохи совсем заплетался. Даже не интересно.

Сказать по правде, с тех пор, как мы повзрослели, такие стычки между мной и Кохи происходили не так, чтобы часто, но регулярно. В университете и общественных местах старший сын Корков демонстрировал презрение ко мне, проходил мимо, вздёрнув нос и поджав губы, но, чувствовал я, в душе его всё клокотало при виде меня. Время от времени его прорывало, он цеплялся ко мне и порывался драться.

Я – анчу, а наследничек Корков из породы анчуненавистников. Не знаю, зачем он снова и снова распускал руки: я искуснее в драке, и парню здорово доставалось от меня. Наверное, это семейная традиция, которой нельзя пренебрегать. Как вы уже поняли, мне тоже не всегда удавалось равнодушным проходить мимо Кохи.

– Тебя вырежем первого, – сказал болван.

Рядом неожиданно, словно из-под земли, нарисовался Малёк, высоченный, как его отец. Он нашёл Ане извозчика, а сам вернулся к нам.

Из шайки Кохи раздался голос:

– Миче – хороший парень, это все знают. Не лезь к нему. Он не виноват, что таким родился. Наш кузен, между прочим, вообще на костылях, так что, он от этого хуже?

Это выступил Хрот, младший брат Кохи. Тот поднял брови, икнул и сказал удивлённо:

– О! Вякнул! С тобой потом поговорю.

Смешная угроза: все знают, что братья Корки души друг в друге не чают.

– Да, – дёрнула плечами Ната. – Вы побеседуйте, а мы пошли.

Наша компания попыталась обогнуть их компанию, но пьяный Кохи вытянул руку и схватил меня за рукав.

– Не попадайся мне в тёмных местах, Миче, – любезно предупредил он меня. Я собирался отшвырнуть его посредством магии, но Малёк молча и нежно взял Кохи за за-

пьястье – и подёргавшись в его пальцах, тот отшвырнулся сам. Однако, несмотря на присутствие Лёки, Кохи не успокоился. Нырнул ему под руку, схватил меня за рубаху на груди, и тут же, моментально, разгорелась бы драка. Мне не хватило мига, чтобы нанести удар. Хрот, младший братец, метнулся ко мне и вцепился в правую руку:

– Миче! – крикнул он, глядя на меня круглыми глазами. – Миче, стой!

Я постоял.

Хрот – он противный и нудный всезнайка и задавака. Ему ещё год предстояло учиться в университете, но, право, не знаю, чему. Всё чаще я видел, как он беседует на равных с профессорами, я читал его статьи в университетском журнале. В журнале, посвящённом истории. В своих статьях, между прочим, он ни разу не высказался худо в адрес анчу или королевской династии Охти. И я признавал, что выводы, которые делает выскочка – это очень правильные выводы. Если не знать, кто автор, можно проникнуться уважением и восхищением. Ладно. Даже зная, можно проникнуться. Я же вдобавок знал самый главный секрет Хрота, но, поскольку был весь такой проникнутый, не выдал его никому, никогда. И, против воли, уважал младшего из Коркиных детей ещё больше благодаря этой тайне. Я чувствовал, что Хрот платит мне взаимной симпатией. Это не мешало нам время от времени пререкаться и драться. Правда, ни он ни я не являлись в этих случаях зачинщиками. Это были, так ска-

зять, коллективные ссоры, как сейчас, или потасовки стенка на стенку, где хочешь-не хочешь, а надо поддержать своих.

– Миче, – торопливо говорил Хрот, отдирая пальцы старшего брата от моей рубашки, – мы выпили, понимаешь? У Кохи день рождения. Он несправедлив к тебе, всегда задирает тебя, но, не бей его сейчас, когда он в таком состоянии. Пожалуйста, пусть сегодня не будет драки.

– Да пожалуйста, – пожал я плечами.

Но пьяные дружки Коркина сына, придвинулись вплотную, и Лёка уже кого-то невежливо отпихнул, а голову самого задиристого прижал к себе локтем, хоть парень и брыкался. Ната схватила сломанную ветку и держалась поблизости от Лёки. Хрот и ещё трое-четверо парней, в том числе и кузен на костылях, безрезультатно призывали компанию оставить нас в покое.

– Кохи, – крикнул Хрот в отчаянии, – пошли-ка на наше место под мостом! Купим ещё вина и будем пировать до утра, как в прошлый раз.

«На наше место под мостом»? Я подумал, что ослышался. У Кохи ведь день рождения. Разве не следует им вернуться в свой богатый дом, к праздничному столу?

Я постучал Хрота пальцем по плечу:

– Пировать под мостом?

Из-за его головы я глянул на Кохи.

– Тебе какое дело, Аги? – завопил тот.

Мне, конечно, никакого дела нет до того, что в семье Кор-

ков не празднуют день рождения первенца. Что он сам угощает свою банду в каких-то таких местах...

– Миче, «Под мостом» – это кафе у Икки, – усмехнувшись, сказал мне Хрот.

– Вот и ступайте туда! – взмахнув веткой крикнула Ната. Но, Кохи, как видно, надо было выпустить пар. Он не мог упустить возможность подраться в свой день рождения.

– Тебе чего, Аги? – он обошёл Хрота и опять схватил меня за рубаху. – Не получал давно?

Не отпуская пленника, прижатого локтем, Лёка вытянул длинную ногу и отодвинул от меня Кохи. Чтобы удержать равновесие тот попятился, попятился и – вот не повезло бедняге! Он попал как раз в объятия любезного своего папочки, вышедшего на набережную с целью прогулять мамочку. Хрот закусил губу. Я насмешливо глядел на него, давая понять, что всё мне ясно: родители или не помнят о празднике сына, или не считают этот день праздником. Иначе с чего бы им совершать обычную вечернюю прогулку вместо того, чтобы танцевать, угощать гостей и выслушивать тосты в честь Кохи. Ох, как затряс папочка сынка, но так, чтобы случайным прохожим казалось, что они просто беседуют. Надеюсь, то, что отец шипел в пьяную рожу сынули, немного отличалось от простого пожелания доброго вечера. Я расслышал только слово «позор», повторённое несколько раз. Юродивый Хрот скакал вокруг и пытался оторвать Кохи от папаши. Мама Корка стояла в величественной позе, прикрывая ссо-

ру собственной фигурой. Молодые и пьяные приятели топтались поодаль, понуриив головы. Мы с Натой и Лёкой хотели улизнуть, но папа Корк рыкнул, как медведь:

– Миче Аги!

– Что, господин Кырл?

– Я сказал своему сыну, чтобы он не цеплялся к тебе.

– Спасибо, господин Кырл.

– Но ты постоянно попадаешься у него на пути! – бедный глава семейства покраснел, как его собственные ботинки. Может, добрая Эя допустит, наконец, чтобы его хватил удар?

– Ничего не могу поделать, господин Кырл, – сдерживая смех, ответил я. – В нашем городе все места для гуляния наперечёт.

– Анчу вообще не место среди людей, – пошёл пятнами старший злыдень. – Им вообще не место в нашем мире...

– Позову стражу, – хором сказали Ната и Малёк. – Опять будете штраф платить.

– Вам чего надо? – уточнил я. – Хотите, чтобы я отправился жить в пещеры?

– Я хотел бы, чтобы таких, как ты, не было вообще. Позор государям, позволившим анчу жить среди нас.

Тут я не сдержался и хмыкнул.

– Так предъявляйте претензии королю.

– Предъявим, не сомневайся, – пьяно высказался Кохи. – И очень скоро.

За это он получил оплеуху от папочки и улетел в кусты. Лицо Хрота исказила болезненная гримаса, он словно окаменел напротив папаши и так глядел на него, словно перед ним был не благородный отец, а я, вонючий анчу.

– Ступай домой, Миче Аги, и постарайся сидеть тихо. Не раздражай нас, а то всё будет гораздо хуже, – подала голос Коркина матушка.

– Спасибо, что разрешили, – улыбнулся я, подхватил Нату под руку и двинулся вперёд, Малёк пошёл следом.

– Посмотрим, кто последним будет смеяться, – изрёк из-под куста именинник.

– С днём рождения, Кохи! – обернувшись, насмешливо бросила Ната.

– С чем? – нахмутив лбы, хором спросили родители.

Ната сказала:

– У Кохи день рождения. Вы не знали?

– С каких это пор у тебя день рождения? – под такой забавный вопрос мамы Корки мы покинули это место. У меня было желание применить заклинание Длинного Уха и подслушать разговор папочки с сыновьями, но я сдержался: зачем мне это?

– Всю прогулку испортили, – пробормотал я.

Малёк же бурчал о своём ужасным басом:

– А может, готовится заговор. Слышали, что говорил Кохи?

– Как всегда ерунду нёс, – фыркнула Ната. – «Вырежем –

не вырежем».

– Кохи такого не говорил раньше.

– Трезвым был.

– Не нравится мне всё это. Контрабандисты осмелели, как никогда. Разные слухи ходят. И эти Кохины выкрики...

– Лёка, – засмеялась разумная Ната. – Ты видишь: дома не помнят, что у сына день рождения. Будь хоть заговор, хоть переворот, Кохи не поставят в известность.

Лично я был согласен с Натой, а Лёка – нет.

– Всё равно скажу Чудилке. Уж он сообщит куда надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.